

ВОЙНА

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ
ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 20 К.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 19

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
17 МАРТА

ПОДЪ ВЕРДЕНОМЪ.

Рис. Ре-ми.

УМѢНЬЕ ПРИСПОСОБИТЬСЯ.

Вильгельмъ: — Жаль, что эти тѣла такія мягкія, а то можно было бы вкатить на нихъ пушки и бомбардировать сверху.

Освобожденный от сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ

5 | 1 | 0
2 | 0

Государственный ВОЕННЫЙ КРАТКОСРОЧНЫЙ ЗАЕМЪ ВЫПУСКА 1916 Г.,

выпускаемый на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА,
НА НАРИШТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛЪ

2.000.000.000 рублей,

двумя серіями по 1.000.000.000 рублей каждая.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ $5\frac{1}{2}\%$ годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 1 февраля и 1 августа. Всѣ облигаціи займа будутъ погашены 1 февраля 1926 г.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Держателямъ облигацій сего займа будетъ **предоставлено право** обмѣнять имѣющіеся у нихъ облигаціи на облигаціи Государственныхъ займовъ того же или болѣе продолжительныхъ сроковъ, могущихъ быть выпущенными внутри Имперіи въ теченіе 1916 г., при чемъ въ уплату по новымъ займамъ будутъ приниматься облигаціи настоящаго займа **по ихъ выпускающей цѣнѣ.**

Такимъ образомъ заемъ сей выпускается совершенно на тѣхъ же условіяхъ кромѣ сроковъ купоновъ, какъ предыдущій $5\frac{1}{2}\%$ военный краткосрочный заемъ 1915 г.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

**въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Частныхъ коммерческихъ банкахъ:**

Волжско-Камскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Международномъ Коммерческомъ,
Русскомъ для Внѣшней Торговли,
Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ,
Русско-Азіатскомъ,
Азовско-Донскомъ Коммерческомъ,
Русскомъ Торгово-Промышленномъ,
Сибирскомъ Торговомъ,
Петроградскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Русско-Французскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Торговомъ,
Русско-Англійскомъ,
Московскомъ Купеческомъ,
Соединенномъ,
Коммерческомъ Банкъ И. В. Юнкеръ и К^о,
Московскомъ,
Московскомъ Торговомъ,
Московскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Московскомъ Учетномъ.

Московскомъ Народномъ,
Коммерческомъ въ Варшавѣ,
Кіевскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Союзномъ Банкъ (въ Петроградѣ),
Рижскомъ Коммерческомъ,
Ростовскомъ н/Дону Купеческомъ,
Тифлискомъ Комерческомъ,
Тифлискомъ Купеческомъ,
Петроградскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита

съ 15 марта

по 22 апрѣля

и въ банкирскихъ домахъ:

с. г.

включительно.

Бр. Джамгаровыхъ, въ Петроградѣ и Москвѣ,
Лампе и К^о, въ Петроградѣ,
Э. М. Мейеръ и К^о въ Петроградѣ,
Маврикій Нелькенъ " " "
Г. Волкова съ С-ми, въ Петроградѣ и Москвѣ,
М. Ашкенази, въ Одессѣ.

**въ Казначействахъ (постоянныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ банкахъ и въ Обществахъ
взаимнаго кредита,**

**въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Учрежденіяхъ мелкаго кредита и
въ полевыхъ Казначействахъ**

съ 15 марта
по 13 мая с. г.
включительно.

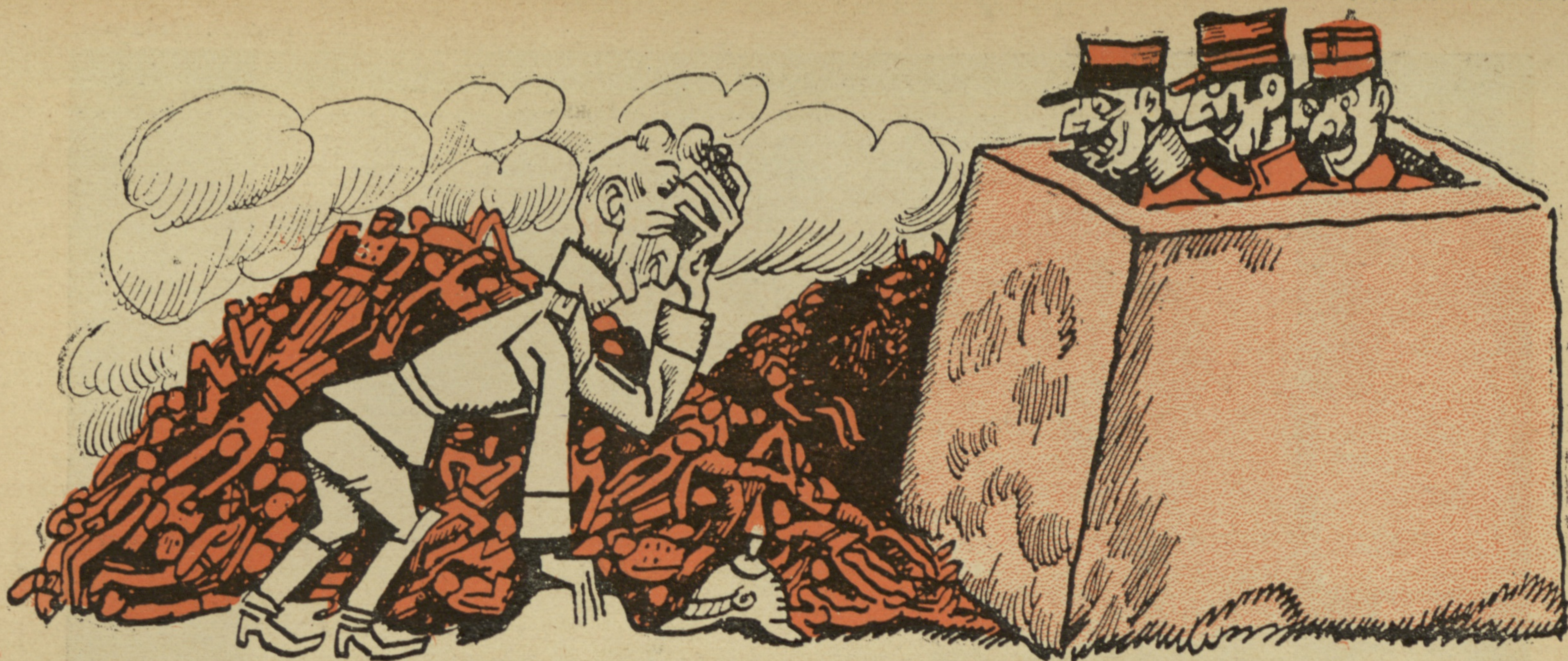
Подписная цѣна назначается въ 95% , съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 1 февраля с. г. по день уплаты.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 рублей, а въ Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго и учрежденіяхъ мелкаго кредита свыше 300 руб., — уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплочены въ самый день подписки, а остатокъ 50% — не позднѣе 13 мая.

Лица, подписавшіяся въ разсрочку, вносятъ одновременно съ оплатой 50% въ подписной суммы, также залогъ въ размѣрѣ 50% съ номинальной суммы оставшихся неоплаченныхъ облигацій. Этотъ залогъ можетъ быть внесенъ наличными деньгами или 0% бумагами.

Предварительныя заявленія о подпискѣ и уплата денегъ могутъ быть принимаемы въ тѣхъ же мѣстахъ со дня опубликованія сего объявленія.

УЖЬ НА ЧТО КАЖЕТСЯ...

Вильгельмъ: — Даже мой мѣдный лобъ не помогъ!

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

„Психологическое содержаніе“.

Въ петроградскихъ газетахъ появилось роскошное объявленіе, рассчитанное исключительно на сенсацию среди эпи-лептиковъ и тихихъ безвозвратныхъ идиотовъ:

„Акціонерное общество Біохромъ. Первый разъ на экранѣ красавица Лина Кавальери въ кинодрамѣ „Невѣста Смерти“. Богатое психологическое содержаніе. Пышная постановка. На экранѣ фигурируютъ: собственная вилла „первой красавицы Рима и міра“, 3 нитки жемчуга въ 2 милліона, накидка изъ шеншилей въ 250 тысячъ, костюмы (ихъ 40) Пакэна“.

Мы погрузились въ тихую скорбь по поводу того, что въ объявленіи не указана цѣна участвующихъ въ картинѣ дессу, подвязокъ и чулковъ „первой красавицы Рима и міра“.

Ахъ, это было бы такъ интересно.

Эпилептики и тихіе безвыѣздные идиоты мирно сидѣли бы рядышкомъ передъ экраномъ, созерцали картину и тихо бесѣдовали:

— Неужели, эти жемчуга стоятъ два милліона?

— Конечно, вы же видите.

— Да, да. Приятно видѣть такую дорогую вещь на экранѣ. А, скажите, что это такое за шеншиля? Животное это или какъ?

— Такъ точно. Въ родѣ, какъ собака, только съ двумя ногами и замѣстъ хвоста — перья.

— Вы подумайте! Рупь за билетъ берутъ, а товару милліоновъ на пять показываютъ.

— Что имъ за расчетъ, не понимаю?

— Приятно, приятно.

И молча, въ экстазѣ замирали безвыѣздные идиоты.

Слава Богу! Наконецъ-то и о нихъ, обиженныхъ судьбой, вспомнилъ „великій нѣмой“..

Позаботился.

Меньшиковъ, считая подоходный налогъ несправедливымъ и называя крестьянство крезомъ, указываетъ, между прочимъ, что

„Милліонеры не пользуются большимъ количествомъ услугъ государства, чѣмъ босяки и даже наоборотъ: босяки обходятся государству очень дорого, требуя чуть не пожизненнаго содержанія въ тюрьмѣ, содержанія суда, полиціи и стражи“.

Какой изъ этого выводъ по Меньшикову?

Да очень просто: обложить роскошно живущихъ босяковъ налогомъ по сто тысячъ въ годъ cadaго и собранныя деньги отдать бѣднымъ богачамъ, которые никакими услугами государства не пользуются.

Богачи должны бы, по справедливости, сложиться и поднести Меньшикову громадную, червоннаго золота калошу, въ которую онъ долженъ былъ бы ежедневно, вмѣсто ванны, садиться...

Генераль изъ „Прусскаго Знамени“.

Полтавскій „День“ приводитъ бесѣду своего сотрудника съ какимъ-то проѣзжимъ генераломъ, сотрудничающимъ въ „Русскомъ Знамени“.

Бесѣда, конечно, коснулась еврейскаго вопроса, при чемъ генераль сообщилъ, что онъ уже высказался о „жидовской проблемѣ“ въ „Русск. Знамени“.

Мой проектъ въ „Русскомъ Знамени“ былъ напечатанъ... Онъ очень простъ. Надо кастрировать всѣхъ жидовъ и тогда, ужъ будьте покойны, этотъ проклятый вопросъ разрѣшится, и всѣ препятствія къ счастливой жизни будутъ устранены...

Генераль испытующе посмотрѣлъ на меня.

Я ждалъ, что онъ разсмѣется своей не совсѣмъ остроумной шуткѣ, но онъ молчалъ и, очевидно восхищаясь глубиной своей мысли, продолжалъ испытующе смотрѣть на меня. Съ затаеннымъ любопытствомъ я ждалъ дальнѣйшаго обоснованія оригинальнаго „проекта“.

— Въ свое время я говорилъ о своемъ проектѣ П. Н. Дурново и онъ въ принципѣ согласился со мной. Онъ указывалъ мнѣ лишь на практическія трудности выполненія этого проекта, но я его убѣдилъ, что выполнить мой проектъ легко... Стоитъ только организовать дружины подъ руководствомъ опытныхъ хирурговъ, и все будетъ сдѣлано...

Редакція полтавскаго „Дня“, съ своей стороны, присовокупляетъ, что разговоръ этотъ отнюдь не выдуманъ и что генераль дѣйствительно пописываетъ въ „Русск. Знамени“.

Мы можемъ пожалѣть, что отцомъ этого генерала не былъ еврей, и что съ этимъ отцомъ не было поступлено по способу „Русскаго Знамени“ за годъ до рожденія умнаго сына.

Около юбокъ.

„Выдуманная нѣмецемъ обезьяна“ въ связи съ войной принимаетъ самое разнообразное обличье:

Копенгагенъ, 2 марта. Комендантъ германскаго города Нюрнберга графъ Каницъ выпустилъ воззваніе къ мѣстнымъ женщинамъ.

Обращаясь къ ихъ патриотизму, онъ проситъ нѣмецкихъ женщинъ прекратить ношеніе модныхъ широкихъ юбокъ и ботинокъ на высокихъ французскихъ каблукѣхъ.

Берлинская газета „Локаль-Анцейгеръ“ одобряя воззваніе Каница, съ своей стороны предлагаетъ ввести въ Германіи военную цензуру для женскихъ модъ.

Вотъ ужъ когда можно будетъ съ полнымъ правомъ сказать о германскихъ военныхъ цензорахъ:

— Онъ не пропуститъ ни одной юбки.

Русскіе военные цензора втайнѣ завидуютъ.

Чудеса въ рѣшетѣ.

Нѣкто Вознесенскій указываетъ въ „Новомъ Времени“ на странный фактъ. Въ германскомъ придворномъ альманахѣ на 1916 годъ, вышедшемъ не позже ноября — декабря — 1915 г., указано, между прочимъ, что нашимъ посланникомъ въ Испаніи состоитъ Кудашевъ, бывший посланникъ въ Бельгіи, а постъ нашего посла въ Токио вакантенъ. Между тѣмъ, указъ о назначеніи Кудашева еще даже не опубликованъ, а указъ объ отозваніи изъ Токио Малевскаго только подписанъ, и еще тоже не опубликованъ. Такимъ образомъ, нѣмецкій придворный альманахъ за 4 мѣсяца былъ освѣдомленъ о самыхъ сокровенныхъ намѣреніяхъ русской дипломатіи.

Есть такая дѣтская пѣсенка:

Нѣмецъ-перець, колбаса,
Купилъ лошадь безъ хвоста.

Намъ интересно: сколько было дадено за эту лошадь?

Вошедши на перрончикъ,
Сказалъ такъ Силинъ Провъ:
— Вы дайте мнѣ вагончикъ,
И я вамъ дать готовъ

Какъ разъ подь цвѣтъ фуражки! —
Въ отвѣтъ былъ взглядъ суровъ,
И новыя бумажки
Тутъ вынулъ Силинъ Провъ.

И вотъ почти что сразу
Взглядъ сталъ милѣй, добрѣй.
Но ротъ промолвилъ фразу: —
— Вагоновъ нѣтъ, ей-ей!

Вчера всталъ верхъ тормашкой
Вагонъ ... путь не готовъ! —
И новою бумажкой
Прельщать сталъ Силинъ Провъ.

И радужныя мысли
Цвѣтъ радужной привлеку.
— Я не хочу, чтобъ кисли
Плоды, — въ нихъ вижу прокъ! —

Вѣдь ты въ столицу фрукты
Везешь для сырыхъ вловъ!..
Такъ проволоочекъ мукъ ты
Не вѣдай, Силинъ Провъ!

КАКЪ ОНИ ВСТРѢТИЛИСЬ.

(ПОДХОДЦЕВЪ, КЛИНКОВЪ, ГРОМОВЪ.)

Разсказъ Арк. Аверченко.

(Окончаніе¹).

Глава 3. Дома.

Квартира Подходцева состояла изъ двухъ комнатъ — одной огромной и одной микроскопической — похожая на большую жираффу, увѣнчанную маленькой головкой.

Обстановка была скудная, и Подходцевъ, обведя широкимъ жестомъ комнату, поспѣшилъ объяснить гостю:

— То, что маленькое на четырехъ ножкахъ — ходитъ у меня подъ именемъ стульевъ. Большое, уже выросшее и сдѣлавшее себѣ карьеру — называется у меня: столъ. Впрочемъ, такъ какъ я иногда на столъ сижу, а на стулѣ, лежа въ кровати, обѣдаю, то я совершенно сбиль съ толку этихъ животныхъ, и они ходятъ у меня подъ всякую упряжь.

— А почему у васъ двѣ кровати? — освѣдомился гость.

— Эта комната такъ велика, что мнѣ иногда, когда я бываю въ южной ея сторонѣ, трудно достигнуть сѣверной стороны въ особенности, если хочется спать. Поэтому я поставилъ на каждой сторонѣ по кровати. А въ общемъ — чортъ его знаетъ, зачѣмъ я поставилъ двѣ кровати.

Хозяинъ опустился на одну изъ кроватей и погрузился въ задумчивость.

— Дѣйствительно, зачѣмъ я поставилъ другую кровать? Недоумѣваю. Вы ѣсть хотите?

— То-есть, какъ?

— Да такъ: рыбу, мясо, хлѣбъ. Вино вотъ тоже нѣкоторые пьютъ.

— Да я, собственно, уже пообѣдалъ, — промямлилъ гость.

Но тутъ же врожденная искренность и простота его характера взяла перевѣсъ надъ требованіями хорошаго тона. Онъ разсмѣялся и самъ перебилъ себя:

— Съ чего это мнѣ вздумалось соврать? Ничего я не обѣдалъ, и за котлету отдалъ бы столько собственнаго мяса, сколько она будетъ вѣсить.

— Странные мы народы: я зачѣмъ-то поставилъ лишнюю кровать, вы корчите изъ себя великосвѣтскаго дэнди, щелкая въ то же время зубами отъ голода.

— Да, если откровенно сказать, то мнѣ... дѣйствительно... неловко.

— А мнѣ, думаете, ловко? Чуть не размазалъ по мостовой хорошаго человѣка. Положимъ, и извозчикъ идиотъ порядочный.

— Послушайте, Подходцевъ... Скажите откровенно, что заставило васъ не удрать отъ меня на своемъ извозчикѣ, а остаться и расхлебывать всю эту исторію до конца?

— Хотите, я васъ удивлю?

— Ну?

— Я просто порядочный человѣкъ. А теперь скажите и вы: почему вамъ пришло въ голову обѣлить насъ съ извозчикомъ, вмѣсто того, чтобы предать обоихъ въ руки сборовъ?

— Хотите, теперь я васъ удивлю?

— Вы тоже порядочный человѣкъ?

— Нѣтъ! Я просто хитрый человѣкъ. Я просто поступаю по рецепту одного умнаго художника. Однажды къ нему пришелъ судебный приставъ описывать за долги его имущество. И что же! Вмѣсто того, чтобы отнестись къ этому неприятному гостю съ омерзѣніемъ, повернуться къ нему спиной, мой художникъ принялъ его по-братски, угостилъ завтракомъ, откупорилъ бутылочку вина и такъ сдружился съ этимъ тигромъ во образѣ человѣка, что тотъ ему сдѣлалъ всяческія послабленія: что-то разсрочилъ, чего-то не тронулъ, о чемъ-то предупредилъ. По-моему, этотъ художникъ былъ не добрый, а хитрый человѣкъ.

— Мнѣ вашъ художникъ нравится. Дѣйствительно, если бы вы ввергли насъ съ извозчикомъ въ темницу — всѣ бы на этомъ проиграли, а вы ничего не выиграли. Тогда какъ теперь...

— Тогда какъ теперь я заключилъ такое милое знакомство...

— Ахъ, какъ можно говорить такія вещи молодымъ дѣвушкамъ, — смутился Подходцевъ.

И, чтобы скрыть свое смущеніе, засуетился: вынулъ изъ шкапика коробку сардинъ, блюдо съ холодными котлетами, сыръ, хлѣбъ и бутылку краснаго вина; быстро и ловко постлалъ скатерть и разложилъ приборы.

Гость сверкающими глазами слѣдилъ за всѣмъ, что появлялось на столѣ. Въ отвѣтъ на пригласительный жестъ хозяина, пододвинулъ къ столу стулъ и сказалъ:

— Завтра же опять пойду на ту самую улицу...

— Зачѣмъ?

— Можетъ быть, опять какое-нибудь животное найдетъ. Если всякая такая катастрофа несетъ за собой пиръ Валтасара...

— О, — засмѣялся Подходцевъ, — мы постараемся найти для васъ другую профессію, менѣе головоломную...

Громовъ поддѣлъ на вилку сардину, понесъ ее ко рту и вдругъ на полдорогѣ застылъ, выпучивъ глаза...

— Что съ вами?

— Ахъ я, идиотина!

— А, знаете, ей Богу, не замѣтно!

— Ахъ, бревно я! Вѣдь вы очень спѣшили, когда на меня наѣхали?

— Очень. Я, видите ли, обѣщаль извозчику по пятаку за каждую лошадь, которую мы обго...

— Въ томъ-то и дѣло!! Вѣдь вы спѣшили?

— Ну?

— И не доѣхали!

— Не доѣхаль, — машинально повторилъ Подходцевъ.

— А если спѣшили, значить, по очень важному дѣлу, а я васъ запуталъ, а благодаря мнѣ вы не попали въ это мѣсто...

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, я и забылъ...

— Что жъ теперь будетъ?! Можетъ быть, вы еще успѣете?

— Кой чортъ! Эта собака уже ушла изъ дому.

— Никогда не прощу себѣ этого... Дѣло спѣшное?

— Очень. Нужно было перехватить у Харченки пятьдесятъ рублей для квартиры и прочаго. Ну да чортъ съ нимъ, выкручусь!

— Какъ же вы выкрутитесь?

— У меня свѣтлая голова на этотъ счетъ. Да вотъ, слышите? Кто-то бѣжитъ по лѣстницѣ... Въ этомъ этажѣ больше никого нѣтъ, значить — ко мнѣ; спѣшить — значить, я ему нуженъ. А разъ я ему нуженъ, онъ долженъ ссудить меня пятьюдесятью рублями. Я такъ прямо и скажу ему...

Дверь съ трескомъ распахнулась, и странный гость влетѣлъ въ комнату, до того странный, что оба — и Подходцевъ и Громовъ — инстинктивно поднялись со своихъ мѣстъ и придвинулись ближе другъ къ другу...

Это былъ молодой человѣкъ довольно пружнаго вида, съ черными, коротко остриженными волосами и лицомъ въ обыкновенное время смуглымъ, но теперь такимъ блѣднымъ, что черные блестящіе глаза казались на фонѣ этого лица двумя маслинами въ кускѣ сливочнаго масла.

Но не это поразило двухъ новыхъ пріятелей. Поразили ихъ костюмъ незнакомца... На ногахъ его, лишенныхъ брюкъ, красовалось голубенькое щегольское трико, жилетъ отсутствовалъ совсѣмъ, а пиджакъ чудеснымъ образомъ перемѣстился съ плечъ владѣльца на одну изъ его рукъ, которая ходила ходуномъ отъ ужаса.

Отсутствие воротничка и галстука даже въ слабой степени не могла замѣнить большая японская ваза, которую незнакомецъ держалъ въ другой рукѣ съ явно выраженной цѣлью самозащиты...

Увидѣвъ двухъ молодыхъ людей, окаменѣвшихъ отъ удивленія, новоприбывшій, задыхаясь, опустился на кровать и прохрипѣлъ:

— Затворите дверь! На ключъ.

Подходцевъ поспѣшилъ исполнить его желаніе, потомъ усѣлся верхомъ на стулѣ, вперилъ свой спокойный взоръ въ новаго гостя и любезно сказалъ:

— Не хотите ли чего-нибудь закусить?

— Спасибо... Я уже тово... ѣлъ. Нельзя ли полстакана вина.

¹ См. № 11.

— Пожалуйста... Эта ваза васъ, кажется, стѣсняетъ? Поставьте ее сюда. Ну, какъ вамъ нравится моя квартирка?

— Ничего, — пробормоталъ незнакомецъ, колотясь зубами о край стакана. — Нич... чего себѣ... У... уд... добная.

— Да, знаете. Теперь хорошую квартиру такъ трудно найти, — любезно замѣтилъ Подходцевъ, изнемогавшій отъ приступа деликатности и упорно не замѣчавшій болѣе, чѣмъ легкаго костюма новаго гостя.

— Вамъ не дуетъ изъ окна? — участливо спросилъ Громовъ.

— Н...ничего. Я немного посижу и пойду себѣ... домой.

— Ну, куда вамъ спѣшить, — радушно воскликнулъ Подходцевъ. — Только что пришли и сейчасъ же уходить. Посидите!

— Я къ вамъ зашелъ совершенно случайно...

— Помилуйте! Мы очень польщены... Позвольте, я вамъ помогу надѣть пиджакъ на руки.

И едва новоприбывшій надѣлъ съ помощью Подходцева пиджакъ, какъ половина самообладанія (вѣроятно, верхняя, если расчленивъ самообладаніе по частямъ костюма) вернулась къ нему.

— А мы вѣдь не знакомы, — сказалъ онъ.

Всталъ и расшаркался:

Глава 4. Толстый Клинокъ.

— Позвольте представиться: Клинокъ.

— Ага! А мы — Подходцевъ и Громовъ.

Гость снова опустился на кровать и тоскливо прошепталъ:

— Васъ, вѣроятно, очень удивляетъ мой костюмъ.

— Ничего подобнаго! — горячо воскликнулъ мягкосердечный Громовъ. — Это даже красиво. Голубой цвѣтъ вамъ удивительно къ лицу.

Клинокъ вдругъ вскочилъ и, съ ужасомъ въ глазахъ, сталъ прислушиваться.

— Онъ, кажется, идетъ?!

— Кто, кто?

— Мужъ. Вы понимаете, онъ меня засталъ... Хотѣлъ, кажется, стрѣлять, я насилу убѣжалъ...

— Если что меня и удивляетъ, — замѣтилъ Подходцевъ съ самымъ непроницаемымъ видомъ, — такъ это японская ваза.

— О! Я схватилъ первое, что попало подъ руку. Я разбилъ бы ее объ его голову, если бы онъ напалъ на меня. Я пробѣжалъ такъ три этажа, а онъ, кажется, гнался за мной... И если бы не подвернулась ваша квартира...

— Кстати! — хлопнулъ себя по лбу Подходцевъ. — У васъ есть пятьдесятъ рублей?

— Нѣтъ... Двадцать есть. И еще мелочь.

— Мало, — призадумался Подходцевъ. — Не обернусь. Мнѣ пятьдесятъ нужно.

— А вы продайте эту вазу, — подмигнулъ Клинокъ, очевидно совсѣмъ успокоившійся. — Ваза, кажется, не дешевая.

— Удобно ли? Ваза принадлежитъ любимой женщинѣ.

— Пустяки! Вѣдь не буду же я возвращать имъ эту вазу: «Нате, молъ, не ваша ли? По ошибкѣ, вмѣсто шляпы, захватилъ...» Да, кромѣ того, я у нихъ оставилъ своихъ вещей рублей на пятьдесятъ.

— Можетъ быть, сходить за ними?

— Боже васъ сохрани! Вы его наведете только на слѣдъ. Это животное размахиваетъ револьверомъ, будто это простая лайковая перчатка...

— Однако, послушайте... Вы покинули на произволь судьбы женщину, оставили ее во власти этого звѣря...

— Женщину?! — воскликнулъ Клинокъ тономъ превосходства. — Вы, очевидно, не знаете женщину вообще, а ее въ особенности. — Женщина, предоставленная сама себѣ, отъ десяти мужей отвертится безо всякаго ущерба.

И закончилъ тономъ записного профессионала:

— Нѣтъ, нашему брату куда труднѣе.

— А, все-таки, вазу лучше вернуть, — нерѣшительно промямлилъ Подходцевъ.

— Боже васъ сохрани! Произошла страшная, но красивая въ своемъ трагизмѣ драма. И вдругъ вы ее будете опшлять возвратомъ какой-то вазы. Ну, до вазы ли человѣку, у котораго сейчасъ сердце разбито, который разочаровался

въ женщинахъ. Продайте ее антиквару и конецъ. А пока что — вотъ вамъ мои двадцать рублей.

— Позвольте! Они вамъ самимъ понадобятся. Вы можете послать на квартиру за другимъ костюмомъ и сегодня выйти на улицу. Вы гдѣ живете?

— Ахъ, не спрашивайте, — простоналъ Клинокъ.

— Почему?

— Я снималъ комнату у сестры того человѣка, который хотѣлъ въ меня стрѣлять...

— Ну?

— И я не могу теперь къ ней показаться...

— Вотъ глупости! Какое ей, въ сущности, дѣло. Мужъ живетъ здѣсь, сестра его въ другомъ мѣстѣ... Вы просто жилецъ...

— Да «просто жилецъ»! Если она узнаетъ отъ брата, что я ей измѣнилъ, она...

Раздался такой взрывъ смѣха, что даже мрачный Клинокъ повеселѣлъ.

— Вамъ смѣшно, а мнѣ, ей Богу, пока некуда дѣваться...

Въ его тонѣ было столько добродушной безпомощности, что Подходцевское сердце растаяло.

— Э, чего тамъ, право. Не вѣшайте носа. Есть у меня двѣ кровати и диванъ. Умъ хорошо, два лучше, три совсѣмъ великолѣпно, а такъ какъ вазой оплачивается цѣлый будущій мѣсяць, то... не будемъ омрачать нашихъ горизонтовъ! Вотъ вамъ, Клинокъ, одѣяло, подсаживайтесь къ столу, вы, Громовъ, выньте изъ-за окна двѣ новыхъ бутылочки, а я, господа, поднимаю этотъ стаканъ за людей, которые не вѣшаютъ носа!

— За что жъ его вѣшать, — сказала Клинокъ, закутываясь въ одѣяло. — Это было бы жестоко. Мой носъ, во всякомъ случаѣ, этого не заслуживаетъ.

Три стакана наполнились красной влагой, и эта влага была первымъ цементомъ который такъ крѣпко спаялъ трехъ столь не похожихъ другъ на друга людей.

Разные пути ихъ вдругъ причудливо скрестились, и эти три рѣки — одна тихая, меланхолическая (Громовъ), другая быстрая, прямая (Подходцевъ), а третья капризная, непостоянная (Клинокъ) — слились воедино и потекли отнынѣ по одному руслу...

Послѣ третьяго стакана было много хохота и возни (Подходцевъ въ лицахъ представлялъ первое появленіе Клинокова), а послѣ четвертаго стакана Громовъ довольно искусно имитировалъ, какъ точильщикъ точитъ ножи, что навело Клинокова на мысль рассказать не совсѣмъ приличный анекдотъ.

И только ложась спать, всѣ трое съ нѣкоторымъ удивленіемъ отмѣтили, что они, какъ будто созданы другъ для друга.

* * *

Вотъ такъ они и встрѣтились — причудливо, неожиданно и не совсѣмъ обычно съ общепринятой точки зрѣнія. Но такова и жизнь — причудливая, полная необычайностей и неожиданностей...

Аркадій Аверченко.

СОНЕТЪ ИЗЪ ПЕТРАРКИ.

Въ глухія времена какой-нибудь подвижникъ
Отъ грѣшной суеты одинъ бѣжалъ въ лѣса,
Пилъ воду изъ ключа, сурово грызъ бульжничекъ
И созерцалъ нѣмая небеса.
Какой-нибудь бродячій шарамыжникъ
Не обѣгалъ его, но говорилъ: — лиса.
Прошелъ угрюмый рядъ нахмуренныхъ столѣтій,
Сбѣжался въ города пещерный дикій людъ,
Но больше въ городахъ не думай о котлетѣ:
Здѣсь въ грѣшной суетѣ бульжники грызутъ,
И стонутъ жалобно мужчины, старцы, дѣти:
О Господи, когда ихъ уберутъ...
Былъ славный вѣкъ, когда за курицу платили
Паршивый четвертакъ, а за муку — пятакъ,
Тогда еще — чиновники копили.
Да, эти времена, какъ говорятъ намъ, — были...
Кто ихъ вернетъ изъ-подъ наслоя пыли?
Когда мы заживемъ не натоцкакъ?

Л. Аркадскій.

ДЕЛИКАТНОЕ ЖИВОТНОЕ.

Пышій: — Овесъ-то, слышали, почему нонича?

Всадникъ: — Тише ты, чортъ, ори! А то у меня лошадь такая, что если услышитъ — ѣсть перестанетъ.

МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ.

Если вы хотите видѣть жизнь, отраженную въ маленькомъ зеркалѣ, непременно ходите на бѣга.

Человѣкъ, у котораго лежатъ скопленные трудовыя деньги въ банкѣ, пьющій только на именинахъ и доставляемый на ежедневную службу дешевымъ трамваемъ, на бѣгахъ разсуждаетъ такъ:

— Рѣзвость этой лошади — 2,5. Рѣзвость другихъ значительно меньше. Слѣдовательно, эта лошадь придетъ первой.

Сдѣлавъ это умозаключение, такой человѣкъ идетъ къ кассѣ, беретъ билетъ на самую рѣзвую лошадь и, отходя въ сторону, начинаетъ долго и тихо удивляться, почему онъ до сихъ поръ не догадался каждый разъ пріѣзжать на бѣга и даромъ зарабатывать деньги съ самой рѣзвой лошади.

— Боже мой, какъ мы еще отстали отъ Западной Европы, — шепчетъ онъ.

И вотъ тутъ начинаетъ дѣйствовать по своимъ законамъ жизнь.

Въ то время, какъ разумный человѣкъ еще не пересталъ удивляться легкости своего заработка, другой не менѣе разумный человѣкъ, въ синемъ камзолѣ, голубомъ картузѣ и зеленыхъ штанахъ, стоитъ около лошади и разсуждаетъ:

— Если я пріѣду сегодня первымъ, за мою лошадь, какъ за рѣзвѣйшую, будутъ выдавать вмѣсто десяти двѣнадцать рублей... Если я поставлю десять билетомъ, то заработаю всего двадцать рублей. Лучше я поставлю на этого дурака Пыжова, на котораго все равно никто ставить не будетъ, пропущу его впередъ и получу за каждый билетъ вмѣсто десяти по триста.

Человѣкъ въ пестромъ костюмѣ посылаетъ конюшеннаго мальчишку взять билеты и, получивъ ихъ, начинаетъ тоже долго и тихо удивляться тому, какъ легко можно получить деньги.

Не такъ разсуждаетъ его лошадь.

— Я уже успѣла показать свою рѣзвость, — думаетъ она, покачивая головой, — кто интересовался, тотъ запомнилъ, а каждый день я не намѣрена это продѣлывать. Я не цирковой рыжій, чтобы безостановочно трюки выдѣлывать...

Мнѣ за это денегъ не платятъ. Какой приду къ столбу, такой и приду. А не нравится — хоть на собственной теткѣ ѣзди. Не на такую напалъ. Подумаешь, важность какая, если къ столбу на десять секундъ позже пріѣдемъ. Столбъ не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ...

Результатами своихъ размысленій эта лошадь радушно дѣлится съ другой, которую первый наѣздникъ рѣшилъ допустить до столба, къ общему изумленію другихъ: наѣздника, публики и самой лошади.

— Ты знаешь, Зорька, я сегодня первой не приду, — говоритъ она, нахально посмѣиваясь — возьму и побѣгу сзади.

— И бѣги, — соглашается Зорька, — кому какое дѣло. Я тоже отстану, побѣжимъ рядомъ, я тебѣ объ одномъ случаѣ у насъ въ конюшнѣ разскажу... Оригинальный случай...

— Можетъ, ты хочешь первой пріѣзжать? Ты не стѣсняйся...

— Пустяки... Кому это надо? Вообще, я рѣшила это оставить... ѣзди я сама на наѣздникѣ, я бы его гнала, конечно, но гнаться самой... Можетъ, я двѣнадцать тысячъ стою, а онъ меня при публикѣ хлыстомъ...

— Безусловно... А судьи въ будочкѣ сидятъ и только смотрятъ, чтобы скорѣе пришла. Если ты судья, такъ не позволяй ему драться...

Молодой жеребенокъ, на котораго никто не обращаетъ вниманія, проигравшій самыя легкіе призы въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ, осторожно вмѣшивается въ разговоръ.

— Виноватъ... Разрѣшите вмѣшаться.

— Вмѣшивайтесь. Только безъ неприличныхъ анекдотовъ. Вы всѣ такіе жеребцы. Чуть что, сейчасъ же сальность...

— Я, право, стѣсняюсь...

— Онъ глупый, но довольно милый мальчикъ, — шепчетъ Зорька на ухо подругѣ, — чего онъ хочетъ?

— Разрѣшите первымъ прійти, — внезапно проситъ жеребенокъ, — такъ хочется, такъ хочется...

— Пожалуйста, Нагаръ... Кто вамъ мѣшаетъ... Мы все равно не побѣжимъ...

— Честное слово, мадамъ?

— Что же, мы время значить

— Нѣтъ, нѣтъ... Я даже не смѣю думать...

Начинается заѣздъ. Звонитъ колоколь, человѣкъ съ

краснымъ флагомъ (несмотря на присутствіе полицейскихъ властей) пускаетъ лошадей.

Зрители начинаютъ волноваться, бѣгать съ мѣста на мѣсто и говорить настоящимъ, душевнымъ языкомъ.

— Пусти, пусти, — холодно отстраняетъ человекъ въ изящномъ пальто незнакомую даму, — не видно изъ-за тебя...

— Вы не имѣете права... Какая впереди идетъ?

— Шестой номеръ. Собьется...

— Нѣтъ, не собьется...

— Молчи, дура. Четвертый придетъ.

У большинства зрителей четко выраженное на лицахъ желаніе самимъ побѣжать вмѣстѣ съ лошадьми.

— Эхъ, подбѣжалъ бы къ третьему номеру да даль бы по мордѣ, сталъ бы онъ у меня отставать, — мечтаетъ вслухъ человекъ въ блестящемъ цилиндрѣ.

— Лошадь, она непонимающая, — утѣшалъ его случайный сосѣдь, — ты ее въ морду, а она тебя туда же копытомъ. Рѣзвѣ отъ этого не станеть.

Дамы начинаютъ оптомъ ругать всѣхъ присутствующихъ вблизи мужчинъ.

— Я говорила вамъ, что надо на пятый номеръ ставить... Я говорила...

— Я же на пятый номеръ и поставилъ...

— Идіота сразу видно. Поставилъ на пятый номеръ, а онъ отсталъ...

— Не билетъ бѣжить, а лошадь... Кабы я на ней сидѣлъ...

У ПАРАДНАГО ПОДЪЪЗДА.

Θемида: — Наконецъ-то, застала дома!

— Ну да, сможете вы... Университеты кончатъ ваше дѣло, а тутъ всякій неграмотный мужикъ быстрѣе васъ ѣдетъ...

— Я же совсѣмъ не поѣду... Вообще не ѣду.

— Ну да... Я и говорю, что съ идіотомъ связалась...

Не волнуется только спокойный человекъ, взявшій билетъ на самую рѣзвую лошадь и удивлявшійся легкости заработка на бѣгахъ.

— Выиграете? — робко спрашиваетъ его случайно повернувшійся рваный студентикъ, впервые пришедшій на бѣга. — А я вотъ тоже билетъ взялъ...

— Выиграю, — спокойно отвѣчаетъ дѣловитый человекъ, — у меня самая рѣзвая лошадь. А вы на какую?

— Я-то? Я на Нагара...

— Нагаръ? Не выиграетъ. Онъ не можетъ. На шесть секундъ тише...

— А я думалъ, можетъ возьметъ... У меня невѣсту Наташей зовутъ... Вотъ я и взялъ... По первымъ буквамъ...

— Не можетъ онъ придти... Во-первыхъ, что у него за ноги? Во-вторыхъ, его наѣздникъ настолько неопытенъ, что... Въ-третьихъ... Что? Пришли? Уже?... Какой номеръ первымъ? Что? Второй?...

— Второй номеръ? — убито спрашиваетъ рваный студентъ, которому рублей на тридцать жалко своихъ десяти рублей. — А я-то на Нагара ставилъ... Теперь уже нельзя продать билетъ? Можетъ кто-нибудь для памяти купить...

— А у васъ какой номеръ? На билетъ.

— У меня? Я не знаю. Я и матрикулы и билетъ дома оставилъ...

— Да нѣтъ... На лошадиномъ билетѣ...

— На этомъ? На этомъ — второй номеръ.

— Да вѣдь вы выиграли. Вамъ рублей четыреста дадутъ...

— Мнѣ? Четыреста? На все? — съ ужасомъ въ глазахъ спрашиваетъ студентъ и тутъ же увѣренно прибавляетъ. — да развѣ можетъ быть... Вы же сами говорили... И ноги у лошади такія, и наѣздникъ дуракъ...

— Извините, я занятъ, — вѣжливо и сухо бросаетъ спокойный человекъ, — идите и хватайте ваши... Четырест... А чортъ... Пятьсотъ сорокъ два выдаютъ за вашу паршивую лошадь...

— Ты скажешь — паршивую, — шепчетъ студентъ, толкаясь въ разныя стороны, — да такой лошади привать-доцентомъ быть... Смотри ты — двѣ такихъ лошади цѣлую комиссію вспомошествованія замѣнить могутъ... И прошенія подавать не надо...

* * *

Спокойный человекъ уйдетъ съ бѣговъ съ твердымъ сознаниемъ, что жить разумно и логично нельзя.

— Зачѣмъ умъ... Зачѣмъ воспитаніе... Зачѣмъ эта наносная европейская культура, — уныло разсуждаетъ онъ, выворачивая опустѣвшій бумажникъ, — нужно жить случаемъ...

Онъ начинаетъ скверно относиться къ женѣ, манкировать службой и перестаетъ читать газеты.

Рваный студентъ тоже быстро мѣняетъ все міровоззрѣніе, но по болѣе радужному уклону.

— Вотъ тебѣ и гражданское право... А какое это право, когда въ человека пятьсотъ рублей сразу влетаетъ... Теперь я понимаю, почему меня Наташа любитъ... Вотъ тебѣ и товарищъ Нихаевъ... Другой, можетъ, четыреста рублей въ шесть лѣтъ копить, а я пошелъ и вотъ...

И никогда онъ не думалъ о бѣгахъ. А пошелъ туда просто, потому что тамъ собирается свѣтское общество: и адвокаты, и князья, и городскія красавицы. Нужно же хоть разъ въ жизни среди нихъ повращаться.

Непремѣнно ходите на бѣга. Жизнь изучается не только по книгамъ и рассказамъ сосѣдей по комнатѣ.

Арк. Буховъ.

ЕЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ.

— Послушайте, г. провизоръ... Вы теперь продаете такую скверную уксусную эссенцію, что двѣ моихъ подружки даже выздоровѣли... Дайте для меня что-нибудь покрѣпче.

ТРЕВОГА.

Кривобокій, сѣренькій, доживающій вѣкъ,
Деревянный домъ на набережной Малой Невки...
Сегодня самъ Иванъ Ивановичъ разгребааетъ снѣгъ,
Послѣ того, какъ пришелъ со спѣвки...

Любому дворнику впередъ двадцать очковъ дать,
Не гляди, что почти духовнаго званія особа;
Широкой лопатой рѣжетъ за пластомъ пласть
Отъ навалишагося на крыльцо голубого сугроба...

Жметса калитка, подлѣ сквозныхъ воротъ,
За заборомъ черемухъ переплелись черныя лапы,
Вѣтка одна далеко на улицу выдается впередъ
И съ прохожихъ, по темнымъ вечерамъ, сбиваетъ шляпы.

Оно, конечно, неприятно, если въ грязь,
А какъ-то жаль отрубить вѣтку озорную эту;
Свои привыкли, ну, а чужой — такъ не лазь,
Иди по дорогѣ, здѣсь не Садовая, автомобилей нѣту.

Спортилъ шляпу — самъ виновать,
Электрическій фонарь тебѣ что ли повѣсить?

Иванъ Ивановичъ не то чтобъ женатъ,
А просто съ Маришей живетъ лѣтъ уже десять...

Шутка ли прожить съ человѣкомъ десять лѣтъ?
Ни слѣвомъ не обидѣтъ другъ друга, ни звукомъ;
Вотъ и сейчасъ Мариша готовитъ обѣдъ,
Форточку открыла, и на морозѣ запахло жаренымъ лу-
комъ.

Парь вылетаетъ, за клубомъ клубъ,
Шумятъ воробьи на заметенной снѣгами крышѣ,

— «Дай, Иванъ Ивановичъ, на гадалку рупь!...» —
Утромъ въ голову взбрело сегодня Маришѣ.

Даль моментально, отчего же не дать?
Иди побалуйся, коли пришла охота,
Только на что бы Маришѣ, кажись, гадать
Ни съ того, ни съ сего — удивительно что-то!...

Жили, — какъ жили, домишка — свой,
Въ постели — пухъ, а не сѣно-солома;
Если на вчерашній проклятый собачій вой,
Такъ онъ не у насъ, а за четыре дома...

Что же такое? Въ толкъ прямо не взять,
Ужъ не мать ли ея мутитъ — вѣрное слово!
Только и слышишь: «Зять да зять!» —
А за глаза мышьякомъ обкормить готова...

Ну, игралъ бы на биллиардѣ, ну, пилъ бы вино,
Позволилъ въ чемъ бы другомъ себѣ лишку —
Да и гаданье, по правдѣ — враньѣ одно —
Ей Богу, возьму и не пуцу Маришку!

Слѣпить январскій солнечный свѣтъ,
Ткутъ на голубомъ небѣ черемухи тенета,
Что-то было у Ивана Ивановича и вотъ, уже — нѣтъ,
Все по-старому, и вотъ уже нѣтъ чего-то...

Иванъ Ивановичъ въ раздумьѣ потеръ лобъ,
Ахъ, Маришка, — засадила занозу! —
Лопату по руксятку вогналъ въ сугробъ,
И взошелъ на крыльцо, барабанное отъ морозу...

Валентинъ Горянскій.

Рис. Миссъ.

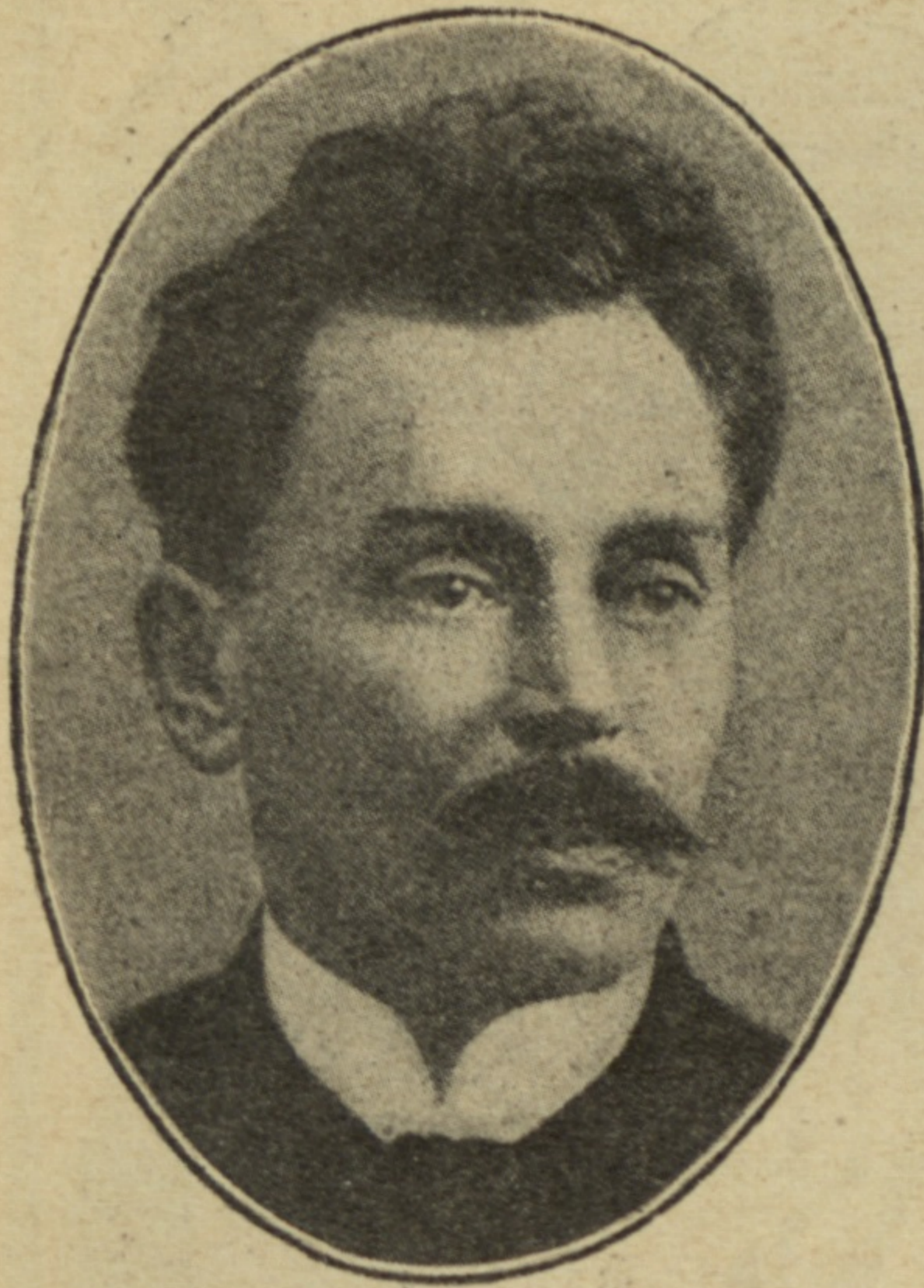
ВЪ ПЫЛУ БОРЬБЫ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я вступила въ общество для борьбы съ роскошью — я перестала даже ѣздить на извозчикахъ!..
— Вотъ это, дѣйствительно, гражданское мужество! Значитъ, пѣшкомъ ходите?
— Нѣтъ, — пришлось купить автомобиль.

КРИКЪ ВЪ НОЧИ.

ДЕПУТАТЪ
А. М. АЛЕКСАНДРОВЪ.

(Стенографическіе отрывки
речи его съ думской трибуны.)

Эта война не создала національных героев. Нѣтъ крупныхъ личностей, около которыхъ бы сейчасъ соединилась вся народная мудрость, вся совѣсть, всѣ надежды. И единственнымъ героемъ оказался оболганный, проданный русскій крестьянинъ и русскій солдатъ. (Аплодисменты слѣва.) И ему я низко кланяюсь. Только его чело не запятано измѣной. И въ эти страшные историческіе дни мы должны подумать прежде всего о томъ, чтобы помочь ему, чтобы помочь нашему народу.

Развѣ они управляли? Нѣтъ, они не управляли, а устрашали. Они не любили, они ненавидѣли и презирали, но въ то же время они боялись, какъ боится человѣкъ съ нечистой совѣстью. У страха были глаза велики. Что они сдѣлали съ Россіей? Они ее оккупировали до войны. Они стремились управлять народомъ, создавшимъ Достоевскаго и Толстого, какъ быдломъ. Нормальный законъ у насъ не примѣнялся. Имъ нужны были особыя рогатки, особая политика сдирания кожи, чтобы держать и не пущать. И это называлось національной государственной властью, это называлось управленіемъ. Они все просмотрѣли, они не видѣли ни этихъ веренищъ сыновъ Россіи, стройными рядами шедшихъ къ окопамъ, ни этихъ улыбокъ со слезами, ни энтузіазма народнаго. Они не поняли, не учли безконечную любовь русскаго человѣка къ родинѣ. Эта власть, считающая себя сильной — несчастная власть.

— Я говорю о порядкѣ административнаго управленія, — отвѣчаетъ М. А. Александровъ, — и въ этихъ предѣлахъ я буду говорить. Это мое право и обязанность, это мой долгъ, и я желаю исполнить его искренно. Я не злобствую, я страдаю. (Аплодисменты и слѣва возгласы: „браво“.)

Взятка, это — родное дѣтище произвола, она выросла, какъ сорная трава, и будетъ расти, пока существуетъ произволъ. Вся эта неразбериха, преобладаніе частныхъ интересовъ, всѣ эти оголенные руки, набивающія свои карманы, все это — результатъ того, что создали не мы.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ обратить ваше вниманіе на то, что въ этотъ историческій моментъ, цѣлая масса русскихъ гражданъ находится въ Сибири и разбросана, въ качествѣ эмигрантовъ, во Франціи и Англии, а нѣкоторые изъ нихъ сражаются даже на французскомъ фронтѣ. Такой порядокъ, господа, недопустимъ, онъ позоритъ страну. Эти люди, тамъ за кордономъ, доказали, какъ они любятъ Россію, какъ они преданы ей, больше того, какъ они глубоко ее понимаютъ. Наша задача возвратитъ этихъ людей. (Аплодисменты слѣва.) Въ эти страшные дни наша семья должна вся собраться здѣсь и мѣсто этимъ людямъ не въ гиблыхъ мѣстахъ Сибири, не на французскомъ фронтѣ, не въ Англии, а здѣсь.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу
ПЯТЫЙ ТОМЪ ПЬЕСЪ
Аркадія Аверченко
„БЕЗЪ СУФЛЕРА“.

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Левичеву. — „Надѣюсь“, что, прочтя мою рукопись, вы ее не порвете...”

Для этого нужно было писать на листовомъ желѣзѣ. А бумага — что... Бумага, она непрочная. Рванешь разъ, и готово.

Сорви-Головъ. — У Сорви-Головы, по его признанію, „стихи вылились сами собой“.

А по нашему мнѣнію, авторъ долженъ хоть какое-нибудь участіе принимать въ этомъ дѣлѣ.

З. Б. О. — З. Б. О. открылъ легкій и удобный способъ описывать своихъ героев: „ноги у него были дугой, носъ напоминалъ картошку, а руки были точь-въ-точь пара грабель...“

Чего легче: взять нѣсколько сельско-хозяйственныхъ предметовъ, сложить ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, отойти подальше и сказать: „Смотрите, а вотъ человѣкъ“.

Производство куколъ изъ тряпокъ хоть кому-нибудь доставляетъ удовольствіе. Производство же людей по способу З. Б. О. — никому ни тепла, ни радости не приноситъ.

Б. Провинція.

Одесса. — Штейнфинкелю. — У г. Штейнфинкеля все звенитъ: „ручьи звенятъ“, „жаворонки звенятъ“, даже „черный четкій горизонтъ звонко рисуется на блѣдномъ фонѣ“.

Все это звенитъ, звенитъ, а для чего столько звону, вѣроятно, и самому г. Штейнфинкелю неизвѣстно.

И вотъ что еще печально: у г. Штейнфинкеля на черной межѣ „грачи ухаютъ“.

Это филины ухаютъ, да и то только тогда, когда имъ вслухъ прочтутъ рукопись г. Штейнфинкеля.

Безъ города. — Андрею Лиловому.

...Въ щель купальни вижу я,
Какъ раздѣвается семья.

И риема неважная, и поведеніе скверное.

Омскъ. — Сонечкѣ Б. — Аккуратная Сонечка сдѣлала всѣ свои дѣла, умылась, и причесалась, а потомъ выбрала свободную минутку, сѣла за столъ и написала плохое стихотвореніе:

...Я на кухнѣ хлопочу,
Но придетъ лишь гость
Хохочу все, хохочу,
Подурить не прочь.

„Гость“ и „прочь“ такая же риема, какъ: „стихи“ и „не подошли“...

Псковъ. — Зауру. — Яблоко не можетъ, какъ вы говорите, дѣлиться на три половины; самка ежа называется не ежица, а въ крайнемъ случаѣ — ежиха; пыль „присѣдать“ не можетъ. А вообще — что вамъ отъ насъ угодно?

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

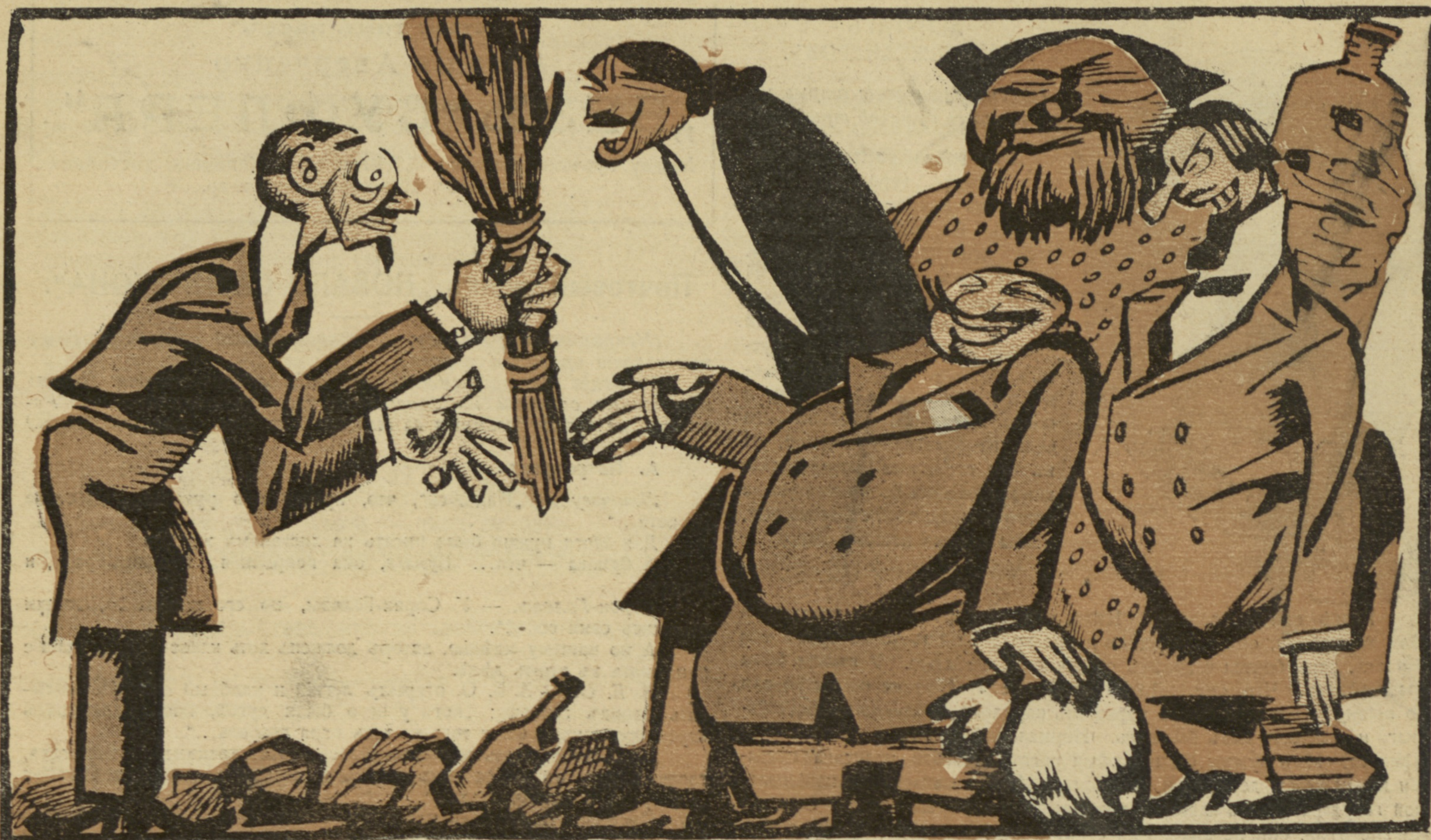
4-й годъ изданія.

4-й годъ изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе“. П-дѣ, Забалканскій пр., д. 75.

Кадетъ: — Какъ же, господа правые, вы не понимаете, что нельзя держаться принципа „раздѣлай и властвуй..?“
— Вотъ, господа, вѣникъ; связанный, онъ очень полезенъ, но если вы раздѣлите его на прутики, — то вы не выметете всю эту грязь, накопившуюся годами.

Правые: — А мы докажемъ, чортъ возьми, что развязавъ вѣникъ, мы добьемся однимъ прутикомъ лучшихъ результатовъ!!